

RU

Пьеса Р. Ишмуратова «За десять лет» как свидетельство идеологического прессинга в литературе

Ахметова М. А.

Аннотация. Цель данной работы - показать последствия насильно навязанного метода социалистического реализма и каким образом повлияла смена идеологического вектора пьесы Ризы Ишмуратова «За десять лет» на характеры ее героев. В качестве ключевого доказательства идеологического прессинга в литературе используется сопоставительный анализ двух вариантов пьесы. Научная новизна обусловлена тем, что первый вариант пьесы, не замеченный литературоведами ранее, впервые становится объектом научного исследования. В результате разновременные варианты пьесы наглядно демонстрируют, как большевиками подавлялась свобода творчества художников в 1920-30-е годы, как устанавливалась их диктатура в искусстве и литературе.

EN

R. Ishmuratov's Play "In Ten Years" as Evidence of Ideological Pressure in Literature

Akhmetova M. A.

Abstract. The purpose of the paper is to show the consequences of the forcibly imposed method of socialist realism and how the change of the ideological vector of Riza Ishmuratov's play "In Ten Years" influenced its characters' personalities. The researcher uses a comparative analysis of two versions of the play as a decisive evidence of ideological pressure in literature. Scientific novelty lies in the fact that the first version of the play, which has not received attention of literary critics before, becomes the object of scientific research for the first time. As a result, the versions of the play written at different times clearly demonstrate how the Bolsheviks suppressed artists' freedom of creativity in the 1920s-1930s, how their dictatorship in art and literature was established.

Введение

В статье предпринимается попытка разностороннего изучения произведения татарского драматурга Ризы Ишмуратова «За десять лет» (первое название «Прежде и теперь (десять лет спустя)») в ключе господствующей идеологии 1920-х и последующих годов. Актуальность работы обусловлена восполнением некоторых пробелов в истории татарской литературы, поскольку первый вариант анализируемой пьесы со значительными изменениями в содержании и под другим названием вовсе не исследован специалистами. Изучение литературных произведений татарских писателей, где отражена тема голода 1921 года, вызывает огромный интерес и в связи со 100-летием трагических страниц истории нашей страны, голода в Поволжье. Исследование проведено с целью показать, как менялась конъюнктура окружающей действительности и к чему привел насильно навязанный метод социалистического реализма. Для достижения поставленной цели был использован сопоставительный анализ двух вариантов одного и того же произведения с привлечением архивных материалов, литературно-критических статей литературоведов и автобиографических очерков Р. Ишмуратова. С помощью автобиографических очерков анализируется личность самого писателя, который участвовал в реквизиции хлеба у своих односельчан, в деревне Уразаево Мензелинского кантона ТАССР.

Основная часть

Вне поля зрения современных литературоведов осталось одно из произведений известного татарского драматурга Ризы Ишмурата (Ишмуратов Риза Фахрутдинович, 1903-1995), написанное в 1927 г. во время его

обучения на высших курсах искусствоведения при Ленинградском государственном институте истории искусств в 1927-1930 гг. Пьеса в трех действиях была издана в том же году в Татгосиздате в Казани под названием «Ун ел тулганда» («За десять лет») тиражом 3000 экземпляров. В сведениях о произведениях Р. Ишмуратова, составленных научным сотрудником Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР Ханузом Махмутовым (1933-1996) в 1983 г., отмечено, что пьеса дважды была премирована и поставлена в самостоятельных театральных коллективах (ЦП и МН ИЯЛИ АН РТ, ф. 43, оп. 2, д. 2, л. 157).

В апреле 1928 г. пьеса была включена в литературную хрестоматию «Ташкын» («Потоп»), ранее подготовленную классиком татарской литературы Фатыхом Амирханом (1886-1926), главным редактором Татгосиздата Сафой Бургановым (1899-1937) и главным редактором газеты «Красный Татарстан» Галимджаном Нигмати (1897-1941), для школ второй ступени, техникумов и других учебных заведений среднего звена, но уже под другим названием «Прежде и теперь (десять лет спустя)» и со значительными изменениями в содержании. В 1930 г. увидело свет исправленное и дополненное второе издание литературной хрестоматии, но интересующая нас пьеса осталась без изменений. Изучив сложившуюся ситуацию, мы пришли к выводу, что издание 1928 г. является первым вариантом пьесы, поскольку хрестоматия начинает свою историю до 1926 г. и выпущена после смерти одного из составителей – Фатыха Амирхана. Вариант 1927 г. позднее был опубликован в сборнике «Гульзада» (1941), где были собраны небольшого объема пьесы. Однако в архиве писателя, переданном в Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, не удалось найти информацию о данном варианте произведения, пьеса не включена в перечень произведений Р. Ишмуратова и не издавалась в его книгах. Складывается впечатление, что автору хотелось изъять из своего творческого наследия данное произведение, поскольку оно характеризует его не с самой лучшей стороны.

Ишмуратовская пьеса «За десять лет» определяется драматургом А. Камалом (1908-1978) (1943, с. 123) как опыт первой публикации автора, написанный для непрофессиональных клубов и театральных кружков. Пьеса имела агитационный характер, положительно оценивающий коллективизацию, однако сейчас ее нельзя рассматривать в качестве художественно полноценного произведения, реально отражающего колорит эпохи.

По мнению театроведа Х. Махмутова (1973, с. 129), пьеса «За десять лет» показывает, как классовые враги хотели опорочить Советскую власть в двадцатые и последующие годы, и раскрывает их коварные планы. Наряду с другими произведениями, написанными на начальном этапе творчества Р. Ишмуратова, «Пожар» (1929) и «Данлы чор» («Славное время», 1930), в ней описывается борьба приверженцев капиталистического строя, защитников частно-собственнических интересов со сторонниками организации социалистического коллективного хозяйства. Эти произведения основаны на реальных фактах, поэтому так силен в них идейный конфликт и сам сюжет захватывает, тем не менее, не освобождены они и от формализма.

В свое время литературоведом А. Ахмадуллиним было отмечено, что «тематику и содержание драматургии Ишмуратова определяли идеологические установки советского времени... на передний план выступили проблемы утверждения новой советской морали» (Татарская энциклопедия, 2005, с. 639). Характерная черта и особенность творчества Р. Ишмуратова, пишет литературовед Ф. Галимуллин (1988, с. 173), – это раскрытие личности и ее действий в социальной среде в неразрывной связи с эпохой.

Ознакомившись с мемуарами Ризы Ишмурата, мы убедились в том, что пьеса «Десять лет спустя» – автобиографическое произведение. Главный герой произведения – Салих – сын Шамси (во втором варианте – Шамсетдин). Двадцатилетний ярый сторонник большевиков не находит понимания у своего отца, за что и был изгнан из дома. Причину Салих видит в необразованности отца, по мнению которого часть неразумных рабочих-крестьян, умудрившаяся захватить власть, может привести страну к разорению. Большевики же, напротив, идут правильным путем и для всех откроют дорогу в светлое будущее. Салих – партийный юрист, и в конце произведения он стал известным адвокатом, работает в главном суде Казани. Действие, посвященное самостоятельной адвокатской жизни Салиха, отсутствует в варианте, представленном в литературной хрестоматии. Там пьеса состоит из двух действий, и с этим связаны структурные изменения в пьесе (вариант 1927 г. – в 3-х действиях).

Интересно проследить, как в самом произведении меняется отношение героев к современной им действительности, как разрешается проблема отцов и детей. Сын стал достаточно известным адвокатом, и в конце рассказа в том и другом варианте уже отец приходит к заключению, что вся надежда мыслящих людей – на большевиков, на новый строй. Беспартийный Шамси в финале пьесы стал преданным советской власти человеком, председателем сельского совета: «Если бы знал, сколько добра принесет нам Советская власть, то непременно вступил бы в Красную гвардию и боролся бы против буржуев» (Ишмурат, 1928, с. 163). В варианте 1928 г. в начале произведения Шамси вспоминает дореволюционное время, о том, как при Николае II жили в райских условиях, когда о творческих людях заботились, опекали их, когда они были уважаемыми людьми в обществе (на что и обращает внимание читателя название произведения): «Не ценили Николая II... Оказывалось, воспитывал он нас как детей, жили тогда, как в раю...» (с. 154). Автор сопоставляет царское время с действующей властью, с жадными и подлыми людьми, которым было наплевать на Россию. Разумеется, во втором варианте пьесы Ишмуратова о царском режиме ничего не говорится, поскольку в новую эпоху модно стало описывать «победителя»-пролетария, выступать против врагов советской власти.

С первых строк пьесы, изданной в хрестоматии, начинается критика в адрес большевиков. Автор называет их безбожниками и зимагурами, негодьями и проходимцами, злыми и коварными людьми: «И откуда только взялась эта нечисть – большевики. Уничтожим нищету, сделаем всех людей равными, провозглашали они,

а на деле ввергли всю страну в нищету беспросветную» (Ишмурат, 1928, с. 151); «Свобода якобы... Якобы свободны мы теперь... Да пропади пропадом такая свобода! Когда нет возможности своим хлебом наестся... Когда не осталось достойной одежды. Одного из двух коней забирают. А оставшегося, не распрягая, гоняют день и ночь. Хочешь чаю испить, нет чаю-то... Завариваем всякую траву да листья, и пьем пополам с тоской» (с. 153); «Какой может быть порядок, когда управляет всякое отребье да шантрапа! Сгинули бы они, может, и восстановился прежний порядок ... а то дела наши совсем плачевны» (с. 154).

Существенные изменения происходят и в характере и образе крестьянина Сафы. В первом варианте он поддерживает взгляды середняка-крестьянина Шамси, критикует советскую власть за грабеж деревенских жителей и называет их «безбожниками». Во втором варианте Сафа, наоборот, на стороне советской власти и разделяет мысли активного сторонника большевиков Салиха, сына Шамси: «Нет никакой пользы от белых ни для бедноты, как мы, и ни для середняка-крестьянина, как ты, Шамси. Они годятся лишь таким баям, которые грабят свой народ, как Гайнетдин... Лишь бы уж победили этих белых дьяволов» (Ишмурат, 1941, с. 88).

В 1930-е гг. взаимоотношения между писателями были непростые и отношение к ним в обществе – в целом сложное, неоднозначное. После 1925 г. в печати, издательствах и библиотеках окончательно утвердились параметры контроля и централизации, введенные еще в начале 20-х гг. В марте 1928 г. XV партсъезд установил «факты и идеи», которые писатель должен «перевести с политического языка партийных директив на художественный язык образов». Таким образом, в конце 20-х гг. XX столетия «стала невозможна публикация идеологически неприемлемых произведений классической литературы и таких, в которых изображались негативные стороны советской действительности или отсутствовала агитационная направленность в том объеме, в каком это допускалось в первой половине 20-х гг.» (В тисках идеологии..., 1992, с. 8). Основное положение политики в литературе – это «требование от каждого, нашего и попутного, автора совершенно определенной и четкой целевой установки» (Чужак, 1924, с. 46), т.е. какой конкретный нажим на эмоции читателя произвести, в какую сторону и какие именно рефлексы вызвать. Задача партии – волевая стандартизация литературы, установка на действие, но не было у нее определенной концепции руководства литературой.

Именно в начале 1920-х гг., когда вопросы литературы были второстепенными по сравнению с другими задачами, в национальной литературе появились произведения, реалистически достоверно освещающие правдивую историю того времени: поэма «Людоеды» (1922) М. Гафури, повесть «Люди» (1923) Г. Ибрагимова и другие. Однако сильное идеологическое давление в свое время заставило писателя, председателя Академического центра и Татарского бюро краеведения Г. Ибрагимова изменить содержание произведения о голоде. Автор доработал некоторые описания в повести, было добавлено то, что хотела видеть тогда советская власть. В результате в 1931 г. был издан второй вариант повести «Люди», в котором, по объяснению самого автора, запуганный коллегами и властями человек боролся сам с собой, с художником, создавшим это потрясающее читателей творение.

В связи с этим важно вспомнить слова А. В. Луначарского (1921) о цензуре: «...подлинное искусство, то, которое носит на себе печать гения или таланта, в клетке петить не может. Приспособленный к клетке талант превращается из соловья в чижику, из орла в курицу» (с. 5). В своем выступлении на совещании отдела печати о политике РКП(б) в художественной литературе (9-10 мая 1924 г.) А. В. Луначарский отметил, что «даже в тех случаях, когда мы имеем художника из нашей собственной среды, нельзя ставить ему в его художественных произведениях узкопартийных и программных целей. Поскольку он выступает как художник, он формирует свой опыт по иным законам, чем по каким происходит работа публициста. Когда нам дают искусство под густым партийным соусом, мы очень часто констатируем потом, что нам дали фальсификат» (В тисках идеологии..., 1992, с. 264). Вместо свободы слова большевики создали прокрустово ложе соцреализма, установили свою диктатуру в искусстве и литературе. Судьбы тех, кто шел вопреки идеологии, складывались трагично. Попытка подогнать всех писателей под единообразие мысли зачастую кончалась скверными психическими и физическими последствиями для жертв этой политики. Это подтверждается словами В. Полянского (1923): «...вне идеологии нет спасения. Пустота и кривляние, смерть и увядание ждут противников ее» (с. 92).

Видоизмененный вариант пьесы Р. Ишмуратова «Десять лет спустя» также подогнан под каноны данного художественного направления. Здесь многое зачищается автором, меняется и мировоззрение персонажей. Не остается никаких следов той критики, которая была в адрес большевиков в начале произведения 1928 г. Интересно отметить, что в то время Ишмуратов был далеко не рядовым сотрудником. После окончания Татарского государственного театрального техникума в 1926 г. он работал режиссером-постановщиком в Татарском академическом театре. В 1930 г. был назначен инспектором по художественной части Наркомпроса ТАССР. В 1931-1940 гг. был руководителем коллегии режиссеров, работал режиссером-постановщиком и заведующим литературной частью Татарского академического театра, заместителем начальника Управления по делам искусств при Совете народных комиссаров ТАССР. Возможно ли было в то время занять такие посты, если бы он не был преданным коммунистом (с 1927 г. – член КПСС)?

Думается, что сопоставительный анализ двух вариантов одного и того же произведения дает возможность понять, как менялся антураж окружающей действительности. В 1930 гг. было чрезвычайно опасно критиковать большевиков и существующий строй, это было чревато последствиями, причем очень жесткими. Поэтому писатели выправляли ситуацию каждый по-своему и строили свои произведения по канонам соцреализма. Писатели выбирали удобные властям темы, перегружали свои создания эпизодами, введенными исключительно для того, чтобы быть востребованными революционной действительностью. Критика, в свою очередь, обязана была разоблачать идеологическую направленность творчества того или иного художника и показать, враг он или друг для пролетариата. Литература для власти превратилась в «оружие» для строительства идеологии социализма.

Ознакомившись с воспоминаниями Ишмуратова, понимаем, что драматург был убежденным коммунистом, большевиком. Только настоящий человек, по его мнению, может стать преданным идеалам Ленина и партии человеком. Он и сам стал таким. Подтверждением этого является его личное участие в изъятии хлеба у односельчан.

В марте-апреле 1929 г. в небольшой деревне Уразаево (570 жителей) Мензелинского кантона ТАССР, по рассказам драматурга, реквизировали полторы тысячи пудов хлеба (24000 кг). Под предлогом, что хлеб нужен государству, городам и, конечно же, рабочим, чтобы они смогли дать сельским жителям нужные хозяйственные товары, одежду и многое другое, председатель, по указанию волостного комитета, выполнил задание: «Слез крестьянских не пожалев, выскребя все углы-сусеки, выполнили задание. Главная пища крестьянина. Если не останется хлеба, не будет в амбаре запаса на два-три месяца, крестьянин свалится с ног, выбьется из сил» (Ишмурат, 1987, с. 276). Тогда и семья Ишмуратова поровну поделила четыре мешка ржи себе и государству. В июне 1929 г., всего лишь через два месяца, пришел приказ сверху на сбор дополнительных сорока тысяч пудов (640000 кг) из Актанышской волости Мензелинского кантона. Из них тысячу пудов (16000 кг) должны были собрать в деревне Уразаево. Секретарь волостного комитета обращается с просьбой к Р. Ишмуратову, как закаленному коммунисту, помочь реализовать задание по реквизиции хлеба у крестьян. Ишмуратов соглашается (видите ли, неудобно было отказать близкому знакомому, авторитетнейшему секретарю волкомитета – Халилу Карамуллину) и назначается полноправным уполномоченным от партии Актанышского волостного комитета по реквизиции хлеба в деревне Уразаево. Зная, что придется отбирать хлеб у своих односельчан, у тех, кто с почтением и угощениями его встречал, лишит последнего куска хлеба своих родных и близких, он не смог (или не захотел) отказать начальству. Хлеб – основа социализма, и только объединение единоличных крестьянских хозяйств в коллективные, по его мнению, приведет к победе над многолетним голодом. Слезы родственников и проклятия крестьян-хлеборобов его не остановили, поскольку задание партии для него закон, а его невозможно не выполнить.

Ишмуратов (Ишмурат, 1987) догадывается, что выполнение хлебного задания приведет к конфликтам и неприятностям. Задумавшись о том, что его будет ждать в родной деревне, он паникует, порой даже и жалеет, что не выбрал чужую деревню. Свои-то его может и поймут, пишет он, но простят ли его односельчане пожилого возраста, забудется ли их гневный взгляд или так и будут терзать его душу. Однако сущность самовлюбленного человека берет свое: «...кто я, если растерялся перед такими трудностями и воздержался от задуманного? Борец коммунизма или бесхарактерное и нерешительное существо?!» (с. 303). Да, он не растерялся перед трудностями, назначил кому три, кому десять, а зажиточным и тридцать пудов. Даже его семья не осталась в стороне, поделив поровну обнаруженные в клетки два мешка по пять пудов каждый. «Вот как бывает, – пишет Р. Ишмуратов, – неплохо угощаться едой с маминого стола, параллельно выполняя хлебную задачу» (с. 296).

Ишмуратов сам пережил страшный голодный 1921 г., и его младший брат чуть не умер от голода. Его отец – Фахрутдин Ишмуратов – умер в январе 1920 г. от разразившегося тифа. В начале 1922 г. по причине голода и болезни, а также трудностей, связанных со смертью отца, он возвращается в деревню (ЦП и МН ИЯЛИ АН РТ, ф. 73, оп. 2, д. 2, л. 8). Тогда он был военным сотрудником политуправления Восточного сектора войск Внутренней охраны Республики на территории Южного Урала в Уфе. Однако, как пишет драматург, от голодной смерти спасли благоприятные погодные условия 1922 г., своевременные дожди и, конечно же, помощь, оказанная советской властью (Ишмурат, 1987, с. 266). Слова председателя совета Гаязетдина помогают увидеть подлую натуру Ишмуратова: «Ведь уполномоченным по реквизиции хлеба назначен наш земляк-односельчанин Ишмуратов... Ему-то что, все равно, лишь бы дай. Под предлогом “задание партии для меня закон”, сдаст государству хлеб, реквизированный у своих односельчан, не оставив им на пропитание, и уедет в город на учебу» (Цит. по: Ишмурат, 1987, с. 285-286). В течение двух недель план был выполнен, и Ишмуратову была объявлена благодарность за успешную реквизицию хлеба. За его работу у волостного комитета была написана многословная характеристика следующего содержания: «Одаренный такими качествами, как честность, настойчивость и свойственная коммунистам принципиальность, Риза Фахретдинович Ишмуратов сильно поддержал Актанышскую волость при выполнении продовольственной разверстки» (Цит. по: Ишмурат, 1987, с. 310-311).

Заключение

Пьеса «Прежде и теперь (десять лет спустя)» является свидетельством идеологического прессинга в литературе и искусстве в 1920-е и последующие годы. Учитывая обстановку в стране, хаос в литературной и политической жизни, ужесточение политики партии, Р. Ишмуратов доработал свое произведение в рамках соцреализма, где действительность рассматривается только под определенным углом зрения, неизбежно искажая реальность. Метод социалистического реализма привел к страшнейшему оскудению тематики творчества и обнищанию его проблематики, писателей обзывали создавать идеологически выдержанные произведения, ориентированные на сегодняшнюю политику, всячески иллюстрирующие и пропагандирующие ее.

Перспектива исследования заключается в том, что отражение проблемы голода 1921 года в Поволжье в творчестве писателей не изучено или изучено фрагментарно. Нам предстоит введение в научный оборот целого ряда произведений татарских писателей, оставшихся за пределами внимания исследователей. Общеизвестно, что литература всегда живо реагировала и реагирует на происходящие события в окружающей действительности, при этом авторами прилагаются немалые усилия, чтобы улучшить эту действительность и путем вскрытия язв современного жизнеустройства помочь выработать нужный вектор развития страны, общества. Р. Ишмурат в пьесе также пытается показать читателю одну из трагических страниц в истории.

Источники | References

1. В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов. 1917-1927 гг. / сост. К. Аймермахер. М.: Книжная палата, 1992.
2. Галимуллин Ф. Жизненное испытание // Огни Казани. 1988. № 11.
3. Ишмурат Р. Гульзада. Казань: Татгосиздат, 1941.
4. Ишмурат Р. Прежде и теперь (десять лет спустя) // Потоп. Литературная хрестоматия: в 2-х ч. Казань: Яналиф, 1928. Ч. 1.
5. Ишмурат Р. Тропы жизни. Воспоминания. Казань: Таткнигоиздат, 1987.
6. Камал А. Гульзада // Советская литература. 1943. № 2-3.
7. Луначарский А. В. Свобода книги и революция // Печать и революция. 1921. Кн. I: май-июль.
8. Махмутов Х. Вместе с эпохой // Огни Казани. 1973. № 10.
9. Полянский В. Об идеологии в литературе // Современник. 1923. № 2.
10. Татарская энциклопедия: в 6-ти т. / гл. ред. М. Х. Хасанов; отв. ред. Г. С. Сабирзянов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2005. Т. 2.
11. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ЦП и МН ИЯЛИ АН РТ).
12. Чужак Н. «Без руля и без ветрил» (к нашей политике в литературе) // Октябрь мысли. 1924. № 1.

Информация об авторах | Author information**RU**Ахметова Миляуша Ансаровна¹, к. филол. н.¹ Казанский научный центр Российской академии наук**EN**Akhmetova Milyausha Ansarovna¹, PhD¹ Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences¹ ama201289@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 11.10.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): татарская литература; драматург Риза Ишмуратов; пьеса «За десять лет»; первый и второй вариант пьесы; цензура; Tatar literature; playwright Riza Ishmuratov; play “In Ten Years”; first and second versions of the play; censorship.